

ВЫПУСК

120-й

— Зрители считают вас трагедийной актрисой; а как вы относитесь к комедии, к фарсу, словом, к веселому жанру?

— Прекрасно отношусь и исполнила немало комедийных ролей. Например, Мирандолину в «Хозяйке гостиницы» Гольдони (а кавалером Рипафратта был Серго Закариадзе), Розину в «Свадьбе Фигаро».

— Верико Ивлиановна, напомните, в какой роли вы впервые вышли на сцену.

— О, напомнить такое практически невозможно! Десять лет мне было, когда папа устроил специально для меня домашний театр: маленькую сцену с кулисами, с рампой, по всем правилам. Даже подобие партера было, стулья стояли рядами. Я собирала сверстников, и мы разыгрывали представления, причем я брала себе главные мужские роли (а женские не любила). После спектаклей мама устраивала для нас, артистов, чаепития...

Отец мой, Ивлиан Григорьевич, служил нотариусом. Мама, Мария Георгиевна, была из семьи известных деятелей грузинской культуры — Месхи, из этой семьи вышли и актеры, и писатели, даже поэт один был. Мама и сама играла в любительских спектаклях, председательствовала в Кутаисском театральном обществе, и я воспитывалась в атмосфере творческой, дома у нас собирались литераторы, актеры. Так что передо мной не было вопроса: кем стать? Окончив 7-й класс, я уехала в Москву, в школу при Малом театре.

— Кто стал вашим первым театральным педагогом?

— Основным — Илларион Николаевич Певцов, великолепный мастер. Он навсегда привязал меня к сцене. А потом, когда я вернулась в Грузию, меня, как и многих других наших актеров, повел за собой Константин Александрович Марджанишвили, возглавив новый, советский грузинский театр. То была грандиозная эпоха для нашей сцены! В 1930 году мы гастролировали в Москве, и отзывы о нашей работе были самые восторженные. Высокую оценку дал нам Анатолий Васильевич Луначарский.

— У вас такой блестящий творческий путь... Скажите, какие моменты в процессе творческой работы вам запомнились с особой силой, остались в душе и сердце?

— Вы, вероятно, больше знакомы со мной по кинофильмам, поэтому я расскажу случай, происшедший на съемках. Самый для меня трудный эпизод в «Отаровой вдове» — это когда вдова хоронит сына. Знаете, в молодости я считала, что могу обмануть зрителя, сыграть на одной технике. Повзрослев, поняла, что никакая техника не поможет, если не обретаешь необходимый душевный настрой, не живешь настоящей жизнью своего персонажа. И техника куда-то ушла, совсем исчезла, я могла уже играть лишь тогда, когда всем существом жила в образе. И вот — тот трагический эпизод «Отаровой вдовы». Я стояла под деревом, стараясь «поймать» необходимое состояние. Звучала торжественная и тяжелая музыка, все остальные участники эпизода создали такую горестную атмо-

Большее трехсот ролей сыграла народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР Верико Анджапаридзе, и каждая из ее ролей становилась событием, заметным явлением в театральном, кинематографическом искусстве. Невозможно забыть ее Русудан в фильме «Георгий Саакадзе», ее героиню в картине

«Отарова вдова»...

В Академическом театре имени К. Марджанишвили в Тбилиси актриса работает почти полвека, выступая и в качестве режиссера-постановщика спектаклей. Сегодня Верико Ивлиановна — гостья нашей 13-й страницы.

ВЕРИКО

АНДЖАПАРИДЗЕ

сферу, и она так нагнеталась, что я нашла зерно, внутренне прониклась существом и состоянием Отаровой вдовы. Но тут зашло солнце, и съемки пришлось прервать.

Участники сцены разошлись, а я стояла в оцепенении под деревом, боясь сдвинуться с места, упустить найденное состояние. Ко мне подошел постановщик фильма, мой муж Михаил Чиаурели, советовал отдохнуть; подошли и другие. А я стояла, не глядя на них и не отвечая им. Солнце вышло лишь в пять часов вечера — значит, с полудня до пяти я стояла под деревом. И когда съемка продолжилась, эпизод получился. Такое бывает редко — такие озарения. В моей жизни было, пожалуй, лишь еще одно: когда Русудан Саакадзе уходит в долину с головой сына Паата в руках... Вот эти две из всех моих работ я могу смотреть. А остальные... Очень не хочется их смотреть. Знаете, я вообще не люблю сниматься.

— Как? После столько фильмов... Почему?

— Не люблю технику съемок; чем дальше, тем меньше выношу объектив. Поэтому и телевидение — не для меня. А вот один на один с микрофоном

мне легче, микрофон мне вполне заменяет зрителя, и становится совсем легко в одиночестве, в комнате радиостудии.

— Верико Ивлиановна, без чего, на ваш взгляд, не должен существовать актер (и актриса, конечно)?

— Самое главное — умение и желание отдавать всего себя избранному тобой делу. Умение и желание вместе, одно без другого неполноценно. Совершенная беззаветность в работе, предельная ответственность. Все это вместе — если оно есть — делает актера таковым. А если кто-то привыкает бегать — и картину озвучивать, и на радио успеть записаться, и водительские права получить, и еще сотни разных своих дел устроить, то в театр принесет лишь лохмотья чувств, да и просто физической энергии не хватит, чтобы целиком посвятить себя образу, спектаклю, работе. Вспоминаю ту же «Отарову вдову», тот самый эпизод: я тогда сошла со съемочной площадки заметно похудевшей. Или еще: играла некогда Клеопатру в театре, в этой роли приходилось и по полу кататься, и чуть ли не акробатические действия совершать. После спектакля зашел за кулисы один военный (это было в го-

ды Великой Отечественной войны), спросил меня: «Вы когда-нибудь пробовали установить, сколько теряете в весе за один спектакль?» До этого не пробовала, но решила выяснить. И что же, оказалось, каждое исполнение роли Клеопатры забирало пару килограммов.

— Но, Верико Ивлиановна, время идет, манера игры ме-

няется, и сейчас на сцене превалирует разум, мысль, а прежние театральные «страсти в ключья» вроде бы старомодны. Ведь если сегодня актер сыграть так, как играли, допустим, в начале века, зритель этого не примет...

— Не смешивайте технику и чувства! Мысль — великая ценность, но увлекает зрителя прежде всего волна чувств, переживаний, страстей. Да-да, страстей, и начало века тут ни при чем. Разве не было мысли в игре Качалова, Москвина, Михаила Чехова? Там, где талант, непременно присутствует мысль! Но чувство не должно отойти на второй план. И вообще что совершишь без чувства? Разве без огромной отдачи и физических, и внутренних, духовных, моральных ресурсов наш народ победил бы в минувшей войне? Так вот для меня моя сцена — тот же бой.

— Без сомнения, вы в своей жизни общались со многими замечательными людьми, не так ли? Расскажите о таких встречах, пожалуйста.

— О, их было столько... Вот, к примеру, когда я еще училась в школе при Малом театре, на вечер подошел ко мне знаменитый Сумбатов-Южин. Я только что прочла стихотворение Бальмонта «Ветер, ветер», и Сумбатов предложил мне поступить в Малый театр. А я, молодая и наивная, по-смешному гордая, сказала ему с вызовом, что, дескать, хочу работать в родном городе и ему стоило бы делать то же самое. Он пода-

вил улыбку, но, раззадоривая мой, так сказать, местнический патриотизм, спросил: «А почему же вы тогда приехали в Москву?» Я совсем стала в позу: «Чтобы взять здесь знания и вернуться домой!» Теперь-то я осознаю, какая была смешная в этот миг.

Потрясающая встреча была с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Не стала бы приводить здесь его слова — он сказал их мне один на один, и это были чрезвычайно лестные слова; но, как позже оказалось, нашу беседу слышал из соседней комнаты тогдашний директор МХАТ Игорь Нежный и процитировал ее в своей книге. Поэтому надеюсь, что эту историю не сочтут за мое хвастовство. Немирович-Данченко говорил о моей работе в «Даме с камелиями», об одной сцене в четвертом акте, где Маргарита Готье рыдает: «Если бы вы видели себя, какая вы в этот момент некрасивая. И какой красивой в этой роли выглядела Сара Бернар. Но сколько бы она отдала, чтобы быть в ту минуту похожей на вас!..»

С Василием Ивановичем Качаловым мы даже выступили вместе на эстраде. Читали сцену из «Ричарда III»: он — Ричард, я — Анну. Это когда МХАТ гастролировал в Тбилиси. Кача-

лов великий актер, у него была совершенно особенная речь, совершенно неповторимый голос. С моей стороны было отчаянным, безумным нахальством решиться выступить в паре с ним. Но уж очень мои друзья и родные настаивали, так пристали, что я отважилась... А у Охлопкова, в тогдашнем Реалистическом театре, даже работала какое-то время, будучи в командировке. У него сцена была в середине зрительного зала, находишься среди зрителей, ничто тебя не скроет, никакие кулисы. А сразу после спектакля он, Николай Павлович, предлагал зрителям остаться и обсудить увиденное. Я видела в том зале рабочих и красноармейцев, видела Сергея Эйзенштейна, Всеволода Вишневского...

— Вы не только актриса, вы и мать актрисы, народной артистки Грузинской ССР, и она работает в том же театре. Вы вмешиваетесь в ее работу, что-то подсказываете, критикуете?

— Нет. Софико Чиаурели — трудный случай. Дочка у меня упрямая и своевольная. Я не вмешиваюсь, да она и не подпускает меня к тому, над чем работает. Ее мнение: «И без того говорят, что я — дочь Михаила Чиаурели и Верико Анджапаридзе, а мой муж Георгий — сын знаменитого Николая Шенгелая и знаменитой актрисы Нато Вачнадзе. Получается, что мы не сами по себе, а только дети знаменитых деятелей. Нам это надоело!» Видите? Они думают, что они с неба упали... Единственный раз я вмешалась в ее роль, когда восстановилась «Уриэль Акосту», потому что спектакль должен был быть таким, каким сделал его Марджанишвили. Но вообще я строго отношусь к искусству Софики. Считаю, она может намного больше, чем делает. Признаю: она непосредственна, искренна и современна.

— Актерам, как правило, приходится масса писем. О чем пишут вам?

— Много очень теплых писем, многие до сих пор помнят, скажем, Русудан Саакадзе. Самым дорогим для меня на всю жизнь стало одно письмо. От молодого солдата, в военные годы. Он подписался: Кузьмин. Он ушел на фронт из деревни, а гитлеровцы сожгли эту деревню и убили его мать. Он писал: «Я шел дальше с винтовкой и не мог успокоиться; я забыл глаза своей матери. Но вчера нам показали картину «Георгий Саакадзе», и я увидел глаза моей матери. Вы вернули мне их. Если буду жив, приеду повидать вас». Он не приехал...

— У вас есть внуки...

— Дети моего сына уже совсем взрослые. Один — детский врач, хирург, другой учится на режиссерском факультете. Старший сын Софики занимается живописью, младший пока школьник. Дети, внуки — это наше настоящее и будущее.

— Большое вам спасибо за беседу, Верико Ивлиановна. Может, какой-то вопрос мы не задали, а его следовало задать?

— Нет, кажется, все. Хотя... О числе 13 не спросили. А я люблю это число: поезд Москва — Тбилиси носит номер 13.

Гостью расспрашивали
В. ПАЦИЯ,
А. РЕЙВОЙ.

Сфотографировал Г. Рейнгольд.